

1 тур
Аналитическое задание
9 класс

Ученикам 9 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**.

Время выполнения – **не менее трёх астрономических часов. Максимальный общий балл за задание – 70 баллов.**

Прочитайте стихотворение **Андрея Белого** (1880 – 1934) «**Если Бог нас своим могуществом...**». Каким видит поэт мир вокруг себя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

А. Белый

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают – вон там и вон здесь –
Пролетают – за сёлами села,
Пролетает – за всями весь; –

И кабак, и погост, и ребёнок,
Засыпающий там у грудей; –
Там – убогие стаи избёнок,
Там – убогие стаи людей.

Мать-Россия! Тебе мои песни, –
О, немая, суровая мать! –
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть –
Там – в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

1908
Суйда

Вопросы.

В чём особенности композиции (построения) стихотворения?

Какие культурные ассоциации рождаются в душе? Что переживает лирический герой?

Какие словесные изобразительные и выразительные детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.

Прочитайте произведение **А.П. Платонова** (1899 – 1951) «**Взыскание погибших**». Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого текста.

А.П. Платонов

ВЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Из бездны взываю

Мать вернулась в свой дом. Она была в беженстве от немцев, но она нигде не могла жить, кроме родного места, и вернулась домой.

Она два раза прошла промежуточными полями мимо немецких укреплений, потому что фронт здесь был неровный, а она шла прямой ближней дорогой. Она не имела страха и не остерегалась никого, и враги её не повредили. Она шла по полям, тоскующая, простоволосая, со смутным, точно ослепшим, лицом. И ей было всё равно, что сейчас есть на свете и что совершается в нём, и ничто в мире не могло её ни потревожить, ни обрадовать, потому что горе её было вечным и печаль неутолимой – мать утратила мёртвыми всех своих детей. Она была теперь столь слаба и равнодушна ко всему свету, что шла по дороге подобно усохшей былинке, несомой ветром, и всё, что она встретила, тоже осталось равнодушным к ней. И ей стало ещё более трудно, потому что она почувствовала, что ей никто не нужен, и она за то равно никому не нужна.

Этого достаточно, чтобы умереть человеку, но она не умерла; ей было необходимо увидеть свой дом, где она жила жизнь, и место, где в битве и казни скончались её дети.

На своём пути она встречала немцев, но они не тронули эту старую женщину; им было странно видеть столь горестную старуху, они ужаснулись вида человечности на её лице, и они оставили её без внимания, чтобы она умерла сама по себе. В жизни бывает этот смутный отчуждённый свет на лицах людей, пугающий зверя и враждебного человека, и таких людей никому непосильно погубить, и к ним невозможно приблизиться. Зверь и человек охотнее сражаются с подобными себе, но неподобных он оставляет в стороне, боясь испугаться их и быть побеждённым неизвестной силой.

Пройдя сквозь войну, старая мать вернулась домой. Но родное место её теперь было пустым. Маленький бедный дом на одно семейство, обмазанный глиной, выкрашенный жёлтой краской, с кирпичною печной трубой, похожей на задумавшуюся голову человека, давно погорел от немецкого огня и оставил после себя угли, уже порастающие травой могильного погребения. И все соседние жилые места, весь этот старый город тоже умер, и стало всюду вокруг светло и грустно, и видно далеко окрест по умолкшей земле. Ещё пройдёт немного времени, и место жизни людей зарастёт свободной травой, его задуют ветры, сровняют дождевые потоки, и тогда не останется следа человека, а все мученье его существования на земле некому будет понять и унаследовать в добро и поучение на будущее время, потому что не станет в живых никого. И мать вздохнула от этой последней своей думы и от боли в сердце за беспмятную погибающую жизнь. Но сердце её было добрым, и от любви к погибшим оно захотело жить за всех умерших, чтобы исполнить их волю, которую они унесли за собой в могилу.

Она села посреди остывшего пожарища и стала перебирать руками прах своего жилища. Она знала свою долю, что ей пора умирать, но душа её не смирялась с этой долей, потому что если она умрёт, то где сохранится память о её детях и кто их сбережёт в своей любви, когда её сердце тоже перестанет дышать?

Мать того не знала, и она думала одна. К ней подошла соседка, Евдокия Петровна, молодая женщина, милостивая и полная прежде, а теперь ослабевшая, тихая и равнодушная; двоих малолетних детей её убили бомбой, когда она уходила с ними из города, а муж пропал без вести на земляных работах, и она вернулась обратно, чтобы схоронить детей и дожить своё время на мёртвом месте.

– Здравствуйте, Мария Васильевна, – произнесла Евдокия Петровна.

– Это ты, Дуня, – сказала ей Мария Васильевна. – Садись со мной, давай с тобой разговор разговаривать. Поищи у меня в голове, я давно не мылась.

Дуня с покорностью села рядом: Мария Васильевна положила голову ей на колени, и соседка стала искать у неё в голове. Обои теперь было легче за этим занятием; одна старательно работала, а другая прильнула к ней и задремала в покое от близости знакомого человека.

– Твои-то все померли? – спросила Мария Васильевна.

– Все, а то как же! – ответила Дуня. – И твои все?
– Все, никого нету, – сказала Мария Васильевна.
– У нас с тобой поровну никого нету, – произнесла Дуня, удовлетворённая, что её горе не самое большое на свете: у других людей такое же.

– У меня-то горя побольше твоего будет: я и прежде вдовая жила, – проговорила Мария Васильевна. – А двое-то моих сыновей здесь у посада легли.

Они в рабочий батальон поступили, когда немцы из Петропавловки на Митрофаньевский тракт вышли... А дочка моя повела меня отсюда куда глаза глядят, она любила меня, она дочь моя была, потом отошла от меня, она полюбила других, она полюбила всех, она пожалела одного – она была добрая девочка, она моя дочка, – она наклонилась к нему, он был больной, он раненый, он стал как неживой, и её тоже тогда убили, убили сверху от аэроплана А я вернулась, мне-то что же! Мне-то что же теперь! Мне всё равно! Я сама теперь как мёртвая...

– А что ж тебе делать-то: живи, как мёртвая, я тоже так живу, сказала Дуня. – Мои лежат, и твои легли Я-то знаю, где твои лежат, – они там, куда всех сволокли и схоронили, я тут была, я-то глазами своими видела. Сперва они всех убитых покойников сосчитали, бумагу составили, своих отдельно положили, а наших прочь отволокли подалее. Потом наших всех раздели наголо и в бумагу весь прибыток от вещей записали. Они долго таково заботились, а потом уж хоронить таскать начали.

– А могилу-то кто вырыл? – обеспокоилась Мария Васильевна. – Глубоко отрыли-то? Ведь голых, зябких хоронили, глубокая могила была бы потеплее!

– Нет, каково там глубоко! – сообщила Дуня. – Яма от снаряда, вот тебе и могила. Навалили туда до полна, а другим места не хватило. Тогда они танком проехали через могилу по мертвым, покойники умялись, место стало, и они ещё туда положили, кто остался. Им копать желания нету, они силу свою берегут. А сверху забросали чуть-чуть землёй, покойники и лежат там, стыннут теперь; только мёртвые и стерпят такую муку – лежать век нагими на холоде...

– А моих-то – тоже танком увечили или их сверху цельными положили? – спросила Мария Васильевна.

– Твоих-то? – отозвалась Дуня. – Да я того не углядела. Там, за посадом, у самой дороги все лежат, пойдёшь – увидишь. Я им крест из двух веток связала и поставила, да это ни к чему: крест повалится, хоть ты его железный сделай, а люди забудут мёртвых...

Мария Васильевна встала с коленей Дуни, положила её голову к себе и сама стала искать у неё в головных волосах. И от работы ей стало легче; ручная работа лечит большую тоскующую душу.

Потом, когда уже свечерело, Мария Васильевна поднялась; она была старая женщина, она теперь устала; она попрощалась с Дуней и пошла в сумрак, где лежали её дети – два сына в ближней земле и дочь в отдалении.

Мария Васильевна вышла к посаду, что прилегал к городу. В посаде жили раньше в деревянных домиках садоводы и огородники; они кормились с угодий, прилегающих к их жилищам, и тем существовали здесь спокон века. Нынче тут ничего уже не осталось, и земля поверху спеклась от огня, а жители либо умерли, либо ушли в скитание, либо их взяли в плен и увели в работу и в смерть.

Из посада уходил в равнину Митрофаньевский тракт. По обочине тракта в прежние времена росли ветлы, теперь их война обглодала до самых пней, и скучна была сейчас безлюдная дорога, словно уже близко находился конец света и редко кто доходил сюда.

Мария Васильевна пришла на место могилы, где стоял крест, сделанный из двух связанных поперек жалобных, дрожащих ветвей. Мать села у этого креста; под ним лежали её нагие дети, умерщвлённые, поруганные и брошенные в прах чужими руками.

Наступил вечер и обратился в ночь. Осенние звёзды засветились на небе, точно, выплакавшись, там открылись удивлённые и добрые глаза, неподвижно всматривающиеся

в тёмную землю, столь горестную и влекущую, что из жалости и мучительной привязанности никому нельзя отвести от неё взора.

– Были бы вы живы, – прошептала мать в землю своим мёртвым сыновьям, – были бы вы живы, сколько работы поделали, сколько судьбы испытали! А теперь что ж, теперь вы умерли, – где ваша жизнь, какую вы не прожили, кто проживет её за вас?.. Матвею-то сколько ж было? Двадцать третий шёл, а Василию двадцать восьмой. А дочке было восемнадцать, теперь уж девятнадцатый пошёл бы, вчера она именинница была... Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло, но, значит, мало было, мало было одного сердца моего и крови моей, раз вы умерли, раз я детей своих живыми не удержала и от смерти их не спасла... Они что же, они дети мои, они жить на свет не просились. А я их рожала – не думала; я их родила, пускай сами живут. А жить на земле, видно, нельзя ещё, тут ничего не готово для детей: готовили только, да не управились!.. Тут жить им нельзя, а больше им негде было, – что ж нам, матерям, делать-то, и мы рожали детей. А иначе как же? Одной-то жить небось и ни к чему...

Она потрогала могильную землю и прилегла к ней лицом. В земле было тихо, ничего не слышно.

– Спят, – прошептала мать, – никто и не пошевеливается, – умирать было трудно, и они утомились. Пусть спят, я обожду – я не могу жить без детей, я не хочу жить без мёртвых...

Мария Васильевна отняла лицо от земли; ей послышалось, что её позвала дочь Наташа; она позвала её, не промолвив слова, будто произнесла что-то одним своим слабым вздохом. Мать огляделась вокруг, желая увидеть, откуда взывает к ней дочь, откуда прозвучал её кроткий голос – из тихого поля, из земной глубины или с высоты неба, с той ясной звезды. Где она сейчас, её погибшая дочь? Или нет её больше нигде и матери лишь чудится голос Наташи, который звучит воспоминанием в её собственном сердце?

Мария Васильевна снова прислушалась, и опять из тишины мира прозвучал ей зовущий голос дочери, столь удалённый, что был подобен безмолвию, и, однако, чистый и внятный по смыслу, говорящий о надежде и радости, о том, что сбудется всё, что не сбылось, а умершие возвратятся жить на землю и разлученные обнимут друг друга и не расстанутся более никогда.

Мать расслышала, что голос её дочери был весёлый, и поняла, что это означает надежду и доверие её дочери на возвращение к жизни, что умершая ожидает помощи живых и не хочет быть мёртвой.

«Как же, дочка, я тебе помогу? Я сама еле жива, – сказала Мария Васильевна; она говорила спокойно и вразумительно, словно она находилась в своём доме, в покое, и вела беседу с детьми, как бывало в её недавней счастливой жизни. – Я одна не подыму тебя, дочка; если б весь народ полюбил тебя, да всю неправду на земле исправил, тогда бы и тебя, и всех праведно умерших он к жизни поднял: ведь смерть-то и есть первая неправда!.. А я одна чем тебе помогу? Сама только умру от горя и буду тогда с тобой!»

Мать долго говорила своей дочери слова разумного утешения, точно Наташа и два сына в земле внимательно слушали её. Потом она задремала и уснула на могиле.

Полночная заря войны взошла вдалеке, и гул пушек раздался оттуда; там началась битва. Мария Васильевна проснулась, и посмотрела в сторону огня на небе, и прислушалась к частому дыханию пушек. «Это наши идут, – поверила она. – Пусть скорее приходят, пусть опять будет советская власть, она любит народ, она любит работу, она всему научает людей, она беспокойная; может – век пройдёт, и народ научится, чтоб мёртвые стали живыми, и тогда вздохнёт, тогда обрадуется осиротелое сердце матери».

Мария Васильевна верила и понимала, что всё так и сбудется, как она желала и как ей было необходимо для утешения своей души. Она видела летающие аэропланы, а их тоже трудно было выдумать и сделать, и всех умерших можно возвратить из земли к

жизни на солнечный свет, если б разум людей обратился к нужде матери, рождающей и хоронящей своих детей и умирающей от разлуки с ними.

Она снова припала к могильной мягкой земле, чтобы ближе быть к своим умолкшим сыновьям. И молчание их было осуждением всему миру-злодею, убившему их, и горем для матери, помнящей запах их детского тела и цвет их живых глаз...

К полудню русские танки вышли на Митрофаньевскую дорогу и остановились возле посада на осмотр и заправку; они теперь не стреляли вперед себя, потому что немецкий гарнизон погибшего городка уберёгся от боя и загодя отошёл к своим войскам.

Один красноармеец с танка отошёл от машины и пошёл походить по земле, над которой сейчас светило мирное солнце. Красноармеец был уже не столь молод, он был в годах, и он любил посмотреть, как живёт трава, и проверить – существуют ли ещё бабочки и насекомые, к которым он привык.

Возле креста, связанного из двух ветвей, красноармеец увидел старуху, прикинувшую к земле лицом. Он склонился к ней и послушал её дыхание, а потом повернул тело женщины навзничь и для правильности приложился еще ухом к её груди. «Её сердце ушло, – понял красноармеец и покрыл утихшее лицо покойной чистой холстинкой, которую он имел при себе как запасную портянку.

– Ей и жить-то уж нечем было: ишь как тело её голод и горе сглодали – кость сквозь кожу светится наружу».

– Спи пока, – вслух сказал красноармеец на прощанье. – Чьей бы ты матерью ни была, а я без тебя тоже остался сиротой.

Он постоял ещё немного, в томлении своей разлуки с чужой матерью.

– Темно тебе сейчас, и далеко ушла ты от нас... Что же делать-то! Сейчас нам некогда горевать по тебе, надо сперва врага положить. А потом весь мир должен вразуменье войти, иначе нельзя будет, иначе – всё ни к чему!..

Красноармеец пошёл обратно. И скучно ему стало жить без мёртвых. Однако он почувствовал, что жить ему теперь стало тем более необходимо. Нужно не только истребить намертво врага жизни людей, нужно ещё суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мёртвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле, чтобы их воля осуществилась и сердце их, перестав дышать, не было обмануто. Мёртвым некому доверится, кроме живых, – и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взискана их гибель.

1943 год